МЕМУАРЫ

© 1993 г., ЭО, № 6

В. П. Алексеев

ОБЩЕНИЕ

Я прошу принять эти страницы как посвящение всем, кому дорога память о Михаиле Михайловиче Герасимове и окружавших его коллегах.

Часть шестая *

Так закончилась крымская эпопея, оказавшаяся необычайно богатой событиями и вызвавшая большой научный резонанс. Для меня в связи с темой этого повествования ее значение состояло в том, что она по-человечески приблизила ко мне Герасимова, он стал доступнее, но, как это ни парадоксально, несмотря на более близкое расстояние для оценки, авторитет его в моих глазах не уменьшился, а возрос. Покоряющая масштабность его работы на раскопе при взятии монолита, скрупулезная ювелирная тщательность, с которой был реконструирован череп из хрупких и неполных фрагментов, убежденность, с которой он отстаивал свое понимание находки, произвели неизгладимое впечатление, зрительно утвердили оправданность его славы, еще раз показали, как высок его авторитет: он постоянно был в окружении незнакомых ему людей, воспринимавших тем не менее каждое его слово с неослабным вниманием. И еще одно увидел я воочию — полную преданность делу, которая так действует на молодое воображение: мощная фигура Герасимова с тяжелым монолитом в руках, шествующая по каменистой дороге под палящими солнечными лучами, на всю жизнь запомнилась как символ такой преданности.

В Москве встречи с Герасимовым продолжались на заседаниях Сектора антропологии, которые он регулярно посещал, и в его лаборатории, куда я нередко заходил. Хотя тематика работ в секторе не была близка тем проблемам, которые им разрабатывались, но он принимал участие в заседаниях с неизменным интересом, часто выступал в прениях по докладам, посвященным проблемам этногенеза и расоведения. И в этом сказывалась крупная личность, у которой любознательность и любопытство к миру никогда не ограничиваются только узкими рамками своей собственной специализации. Когда я приходил в лабораторию, он, не стесняясь меня и других посетителей, продолжал работать, но легко отвлекался, давал пояснения, иногда они превращались в небольшие лекции с массой ассоциаций и примеров, далеко отстоящих от предмета рассказа, одним словом, и здесь не производил впечатление мэтра и апостола. Свой метод портретного восстановления лица по черепу, разработанный на протяжении десятилетий и буквально выстраданный, Герасимов любил и ценил, постоянно его совершенствовал в процессе практического применения, защищал от нападок, если они были, но и в этом случае не священнодействовал и не старался произвести впечатление небожителя. Сотрудницы рассказывали мне, как порой он просил что-то поправить в их реконструкциях, а когда они ссылались на соблюдение предложенных им самим методических приемов, отходил. Но через некоторое время возвращался к

* Окончание. Предыдущие части см.: Этнографическое обозрение. 1993. № 1—5.

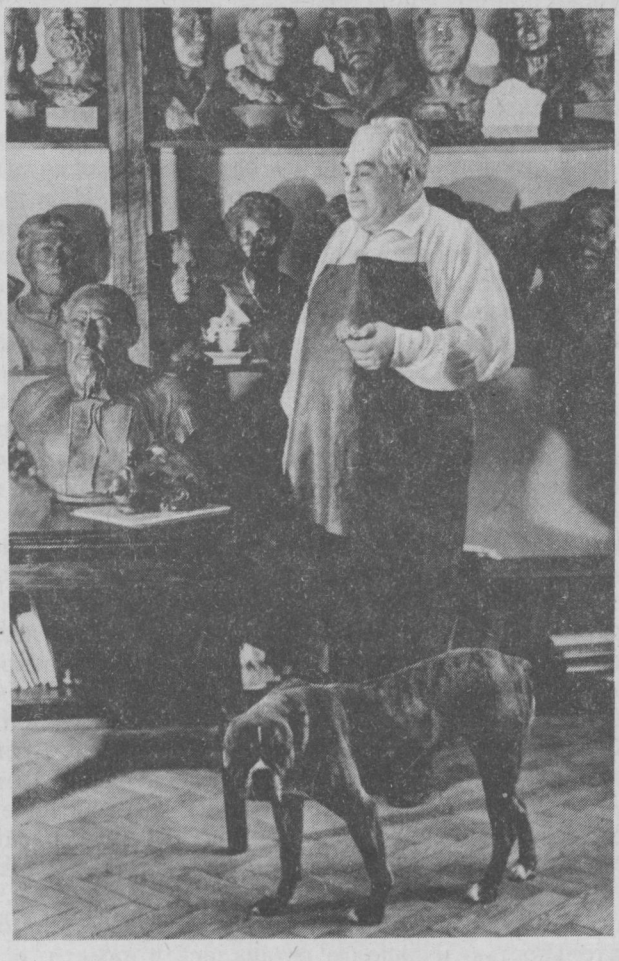

Рис. 1. М. М. Герасимов у себя дома. 1964 г.

спорному моменту в реконструкции и начинал настаивать на своем предложении. Здесь уже на первый план выступала его богатейшая интуиция, которой он доверял, даже если она немного подправляла его же методику.

По мере приближения к концу аспирантуры я начал чувствовать, что мои старшие товарищи стали относиться ко мне как к коллеге и вводить в круг своих научных интересов, хотя я еще толком ничего не знал и ничем не заслужил их благосклонности. Михаил Михайлович рассказывал о книге, которую он тогда писал и в которой намеревался дать полную сводку своих работ как в создании и совершенствовании метода пластической реконструкции, так и в выполнении конкретных портретов людей разных эпох и исторических лиц. Книга была огромной, к ней был подготовлен прекрасно выполненный им самим иллюстративный материал. Оригинальным был разработанный к этому времени Герасимовым метод графической реконструкции, являвшийся частным случаем методики воспроизведения лица по черепу. Графическая реконструкция — воспроизведение профиля лица по профильному рисунку черепа — гораздо менее трудоемка, чем скульптурный портрет; она позволила перейти от единичных портретов к серийным, т. е. воспроизвести внешний облик группы людей, тогда как раньше

приходилось довольствоваться воспроизведением внешности одного человека. Создатель метода графической реконструкции был очень увлечен, старался охватить как можно более обширный материал, и в его альбомах проходили перед глазами буквально галереи людей прошлых эпох.

В домашней обстановке я по-настоящему разглядел Михаила Михайловича осенью 1955 г. После моего первого посещения его с Дебецом Герасимовы успели переехать в новую квартиру на Песчаной улице. Квартира была не намного больше прежней, но она состояла из двух комнат и, главное, была отдельной. Так же по стенам стояли скульптуры, и поэтому создавалось впечатление, что в квартире много больше людей, чем было на самом деле. И встречал не сам хозяин — каждый раз его успевал опередить прелестный боксер, на вид очень грозный, но на самом деле добрейший и обожавший хозяина. В тот раз, когда я посетил эту квартиру, в ней действительно было очень многолюдно. Дебец жил в те годы один, снимал комнату, ему исполнилось 50 лет, что было отмечено торжественным заседанием в Институте. Герасимовы решили отпраздновать эту важную веху в жизни своего большого друга.

Было много гостей — антропологов и этнографов, праздничный стол радовал глаз, растроганный Дебец принимал поздравления. Сказано было много хороших слов, спичи следовали один остроумнее другого, вечер прошел чудесно, все разошлись в приподнятом настроении и долго потом и сам виновник торжества, и гости вспоминали этот вечер.

Михаил Михайлович показал себя прелестным радушным хозяином, потешал гостей рассказами и выдумками, заразительно смеялся над чужими остротами и смешными историями, но так себя тонко и умно вел, что, странное дело,— я спрашивал потом других, не только у меня, у всех осталось впечатление: мы были в гостях не у Герасимова, а у Дебеца. Только в этой ситуации открылась мне в полной мере душевная деликатность Михаила Михайловича — юбилей был не его, а Дебеца, и он сделал все, чтобы выдвинуть юбиляра на первый план. Выпало на мою долю счастье и еще несколько раз быть в этой уютной квартире — всегда хозяин встречал радушно, был рыцарственно предупредителен с Тамарой Сергеевной, шутил с дочерьми, гость попадал в обстановку веселой, интересно живущей семьи, где всегда горел творческий огонек. О самом Герасимове нечего говорить; Тамара Сергеевна — редкая мастерица живой и содержательной беседы; дочери, идя по стопам отца, рано начали лепить и создавать интересные рукоделия. Поэтому и беседы, которые велись в семье Герасимовых, всегда отличались содержательностью и надолго оставались в памяти, искренность и интимность этих бесед за чайным столом и потрясающими тортами, которые создавала хозяйка дома (такие торты нельзя выпекать или приготовлять — они именно *создаются*), делали их особенно запоминающимися, и гость долго возвращался к сказанному, будь то что-то житейское или научное, как к благородному и чистому жизненному впечатлению.

Книга, о которой шла речь ранее, вышла, была представлена как докторская диссертация Ученому совету Института этнографии, и Герасимов стал доктором исторических наук. С теплой надписью он подарил мне книгу, изданную в стандартной серой обложке трудов Института, но выделяющуюся объемом и богатством иллюстраций, к сожалению, черно-белых. На меня книга произвела двойственное впечатление: с одной стороны, поражал объем сделанного, с другой — бросились в глаза недостатки, которые я со свойственным молодости максимализмом преувеличил. Герасимов принадлежал к числу тех составляющих в те годы почти подавляющее большинство исследователей, которые не то чтобы были не в ладах с цифрами, но не придавали им большого значения. В книге было порядочное количество арифметических ошибок, частично возникших при наборе, частично пропущенных самим автором. Использованный для обоснования отдельных положений методики анатомический материал был недостаточно многочисленным и не выдерживал критериев достоверности с точки зрения

статистических оценок. Были еще кое-какие мелкие огрехи, и все это, повторяю, заслоняло в моем неопытном сознании пионерское содержание книги.

Я решил написать на нее рецензию, долго над ней работал, осветил, как мог, все перечисленные моменты. Когда рецензия была перепечатана, понес ее в редакцию «Советской этнографии», но мне было отказано — сказали, что книга издана Институтом, защищена как докторская диссертация, получила высокую оценку, и поэтому рецензия, в которой критическая часть занимает столь внушительное место, не может быть напечатана. С 1957 г. стал издаваться Московским университетом журнал «Советская антропология», позже переименованный в «Вопросы антропологии», в Институте антропологии при МГУ еще сохранились скептики, оценивавшие всю работу Герасимова критически, рецензия была опубликована в одном из первых номеров журнала. Весь этот эпизод давно принадлежит истории науки, и его не стоило бы, может быть, воскрешать здесь, если бы не поведение в этой ситуации самого Герасимова. Его отношение ко мне не изменилось ни на йоту, по-моему, даже наоборот — стало более заинтересованным и еще более, если это только возможно, доброжелательным. Мы никогда не говорили об этой рецензии, но, видимо, он понял и мой юношеский запал, сделавший проблему из мелочей, и известную справедливость отдельных моих замечаний. Понял все это к счастью для меня, так как потерять его внимание и расположение было бы тяжело.

В эти годы Герасимов продолжил раскопки знаменитой сибирской палеолитической стоянки Мальта, которые начал еще в 30-е годы. Стоянка была знаменита тем, что она помимо замечательных кремневых орудий дала разнообразную коллекцию выполненной из моржовой кости пластики, особенно богатую изображениями птиц. Стоянка была расположена на реке Белой, в 20—25 км от впадения ее в Ангару, от Иркутска до нее было около 80 км. Весной 1956 г. я попросил у Герасимова разрешения приехать к нему на раскоп, он согласился, сказал о времени, когда будет работать, и объяснил, как найти стоянку. Я работал в то лето в Хакасии, дальше Красноярска в Сибири ранее не бывал, и поездка сулила много интересного. В те годы антропологи старались увеличить коллекции скелетов из поздних кладбищ, чтобы иметь сравнительные данные при изучении более древних палеоантропологических материалов, и я делал эту работу в Хакасии, после раскопок очередного кладбища в районе возвращаясь в Абакан. После одного из таких возвращений состоялась примерно двухнедельная поездка на Мальту и в Иркутск.

Скорый поезд тащился тогда до Красноярска четверо суток, до Иркутска — еще трое. Ехать было скучно до одури, но для меня длительность поездки скрашивалась стремлением повидать новые места и надеждой на интересное общение с Герасимовым. Поэтому время в поезде пролетало сравнительно быстро, и вот уже станция, на которой надо выходить. Ясное солнечное утро, открытые в обе стороны от железной дороги пространства, от станции налево по ходу поезда идет дорога, по которой, судя по описаниям Михаила Михайловича, нужно пройти три километра до деревни Мальта. Неуверенно иду, спрашиваю у встречных — дорога, действительно, ведет в Мальту, приободряюсь, прибавляю шаг. Дохожу до деревни, которую нужно пройти насквозь; прохожу по мосту через Белую — быструю и полноводную, как все сибирские реки, с прозрачной чистой водой, по поверхности которой от быстрого течения разбегаются в разные стороны извилистые струйки. Деревня поражает добротностью домов и приусадебных строений и производит впечатление зажиточной и степенной. Она живет еще медленной утренней жизнью, людей на улице почти нет.

Прохожу деревню, раскинутую вдоль берега реки, и вижу в нескольких десятках метров от окраины палатки, около которых, несмотря на ранний час, копошатся люди. Они мне незнакомы, спрашиваю о Герасимове, показывают в сторону его палатки, иду к ней, и навстречу выходит он сам, похудевший и загорелый (много раз видел, как он загорал почти до черноты), радостно приветствует и обнимает. После долгой дороги сразу чувствую себя дома и не могу скрыть радости

Рис. 2. М. М. Герасимову 37 лет (1944 г.). Метод реконструкции лица по черепу им уже создан...

встречи. Следуют обычные при встречах в экспедиции беспорядочные и торопливые расспросы о новостях, здоровье близких, мы, перебивая друг друга, говорим, я прошу показать мне раскоп, и тут следует твердый, не терпящий возражений, ответ — нет, сначала нужно позавтракать, завтрак, наверное, готов. Выходим к костру, он знакомит меня с Иваньевым — работающим с ним вместе иркутским палеонтологом, своим старым приятелем, знакомит со студентами, проходящими практику и участвующими в раскопках в качестве рабочих. Тон разговора с ними — как всегда у Герасимова, доброжелательный, полный внимания к собеседнику, шутливый; вижу, что студенты его обожают и ловят каждое его слово. Он и здесь не один — с ним его средняя дочь Таня, трогательно за ним ухаживающая и строго наблюдающая, чтобы он доел всю кашу и не забыл выпить чай.

После этого идем на раскоп, который производит грандиозное впечатление. Дело даже не в размерах — приходилось видеть и бо́льшие вскрытые площади палеолитических поселений, но ни разу ни до, ни после не доводилось видеть столь, я бы сказал, ослепительной чистоты на раскопе; даже глядя на этот раскоп, никак не удавалось понять, как же достигнута подобная чистота — нигде нет ни крупинки земли, четко выделены все ингредиенты культурного слоя — камни, костяные и каменные остатки конструкций жилищ, черепа животных, скопления орудий, очажные пятна. Перед зрителем был идеальный план вскрытой части поселения, но не вычерченный на бумаге, а законсервированный в земле и воскрешенный людской волей. По такому раскопу страшно́ было ходить не разувшись, и тем не менее ходили в обуви: сохранилась фотография, на которой Михаил Михайлович со мной что-то расчищает — он в ботинках, я даже в сапогах. Чистота и идеальная прибранность раскопа, достигнутые не для показа (Герасимов не знал дня моего приезда), а поддерживавшиеся постоянно вопреки ветру и дождю, казались чудом и сразу же настраивали на серьезный лад, немедленно вызывали

ощущение, что здесь делается настоящая наука. Вокруг нового раскопа были отвалы старых, но на них он не стал заострять внимания, видимо, полагая (и справедливо!), что я читал его отчет о первых годах работы.

Иваньев предложил для ознакомления с окружающей местностью пешую прогулку к Ангаре, я с радостью согласился. Сначала шли по берегу Белой, потом напрямик и часа через три-четыре вышли к громадной, быстрой и прозрачной Ангаре. И чарующая красота природы, и интересные рассказы Иваньева о быте и работе иркутских археологов в 20-е годы, в том числе и о юности самого Михаила Михайловича, навсегда остались в памяти. Долго сидели на берегу Ангары, возвращались уже затемно и заблудились; много петляли, в потемках попадая все время не на ту дорогу и, вероятно, так и не дошли бы этой ночью до дому, если бы не подвернулась машина, шедшая в сторону Мальты. Боже мой, как волновался Михаил Михайлович! Он не высказал ни слова упрека, но его глаза, лицо, радость, с которой он нас встретил, заботливо сохраненный под подушкой горячий чай и бутерброды — все было упреком. Ночь была холодная, я с собой ничего особенно теплого не взял, но, умаявшись за день, сразу заснул (Михаил Михайлович пригласил меня жить в своей палатке) и только сквозь сон уже почувствовал, как меня чем-то накрывают. Утром оказалось — это была какая-то бархатная скатерть или церковное покрывало, которое Герасимов выпросил у знакомого жителя деревни. И утром же я узнал от Иваньева, что ему крепко досталось.

Повседневная работа на раскопе рано начиналась, но рано и кончалась — студенты после обеда иногда делали вокруг раскопа небольшие шурфы или что-то убирали, иногда были свободны. Сам Герасимов сидел на раскопе, можно сказать, безвылазно, его и обедать было трудно дозваться. Он, к счастью, разрешил мне быть с ним и немного помогать ему, и можно было наблюдать за всеми перипетиями его работы. Он расчищал отдельные казавшиеся ему неясными участки раскопа, иногда просто ходил по раскопу очень долго и медленно, вглядываясь в каждую деталь и осмысливая увиденное, иногда размышлял вслух и делился своими гипотезами, иногда, казалось, даже отвлекался и рассказывал что-то постороннее. А глаза в это время то оглядывали скопление орудий и остатки жилищ, то скользили по боковым стенкам раскопа, на которых был отражен и расчищен стратиграфический профиль. Иван Петрович Павлов в посвящении сыну свой «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных» назвал «плодом неотступного думания». Я был очевидцем подобного неотступного думания, постоянного поиска объяснений увиденному, всепожирающего стремления проникнуть за завесу времени и в мельчайших подробностях воссоздать те события, немым свидетелем которых остался лежавший перед нами культурный слой. Мне тогда казалось, кажется и теперь — в мозгу Герасимова и перед его мысленным взором прокручивался нескончаемый фильм, все вновь и вновь создаваемый его живым воображением, фильм, в котором отдельные эпизоды и так и эдак соединялись в сложные куски, пока не будет достигнут единственный вариант последовательности действия, объясняющий возникновение, развитие и конец данного археологического памятника, как единого целого.

Тот год был обилен находками. Прекрасные образцы кремневых орудий и выразительная скульптура радовали Герасимова, он любовно сортировал и описывал их в палатке; помогая ему, я слышал указания на аналогии с прежними находками, которые он помнил великолепно, и на новое, что открылось только в этом году. Михаил Михайлович уже тогда мечтал об отдельном монографическом издании мальтийского археологического комплекса и, как и свойственно людям с живым художественным воображением, уже видел книгу, которая содержала бы подробное описание найденных орудий и определение их места в палеолите Сибири, сравнительный анализ скульптуры и открытых ранее рисунков, в мельчайших деталях воспроизводила бы образ жизни обитателей стоянки, их повседневный быт и трудовые усилия. Иллюстрации к книге виделись ему многокрасочными, поля отдельных страниц он хотел украсить мелкими рисунками подлинных

Рис. 3. На стоянке Мальта. 1956 г.

орудий и скульптур, воспроизведениями отдельных костей животных, найденных на стоянке, наподобие того, как украшены отдельными авторскими рисунками на полях книги Сетон-Томпсона. Увы, этим мечтам не суждено было осуществиться, и уникальный материал Мальты остается неизданным до сих пор.

Радовала Михаила Михайловича и богатая фауна, обнаруженная при раскопках. Остатки животных в культурном слое палеолитических стоянок — всегда желанный материал для археологов не только потому, что они получают удовольствие от радости палеонтологов, но и потому, что такие находки во многих случаях помогают при датировке археологического памятника. Набор отдельных видов животных, морфологические особенности отдельных форм — все это существенные стратиграфические признаки, и они вносят много нового в то определение возраста стоянки, которое достигается с помощью анализа добытых при ее раскопках археологических материалов. Сохранность фауны на Мальте была хорошая, Герасимов неоднократно говорил, как будут довольны сотрудники Палеонтологического института АН СССР, занимающиеся млекопитающими, когда он передаст им многочисленную коллекцию черепов сибирского шерстистого носорога. Одно плохо — ни у одного черепа не сохранилась носовая перегородка. Череп с сохранившейся перегородкой был найден как раз при мне — огромный мощный череп почти полной сохранности, и радости Михаила Михайловича не было пределов. Он почти полдня расчищал череп, сделал это так, будто череп лежал не в культурном слое, в земле, а на витрине палеонтологического музея; тяжело выпрямляясь после многочасового сидения, сказал сотрудникам: «Будьте осторожны, не заденьте. Это уникальная находка, завтра ее снимем». Но прославленный в быту закон свинства сработал и здесь — не прошло и минуты, как одна из студенток наступила на череп ногой, и в мгновение ока половина совершенно целого черепа превратилась в обломки. Что произошло дальше? Все остолбенели, Михаил Михайлович побагровел, долго не мог сказать слова от охватившей его

Рис. 4. Последний штрих — и скульптурный портрет Рудаки готов! Начало 1960-х годов

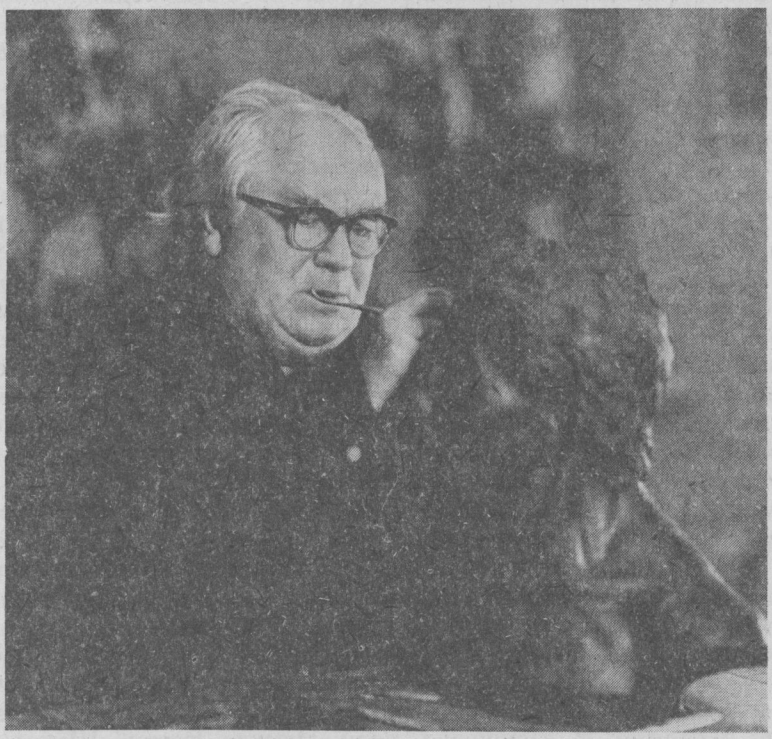

Рис. 5. Завершен и скульптурный портрет Стефана Караджи. Вторая половина 1960-х годов

ярости, а потом страшным голосом, еще более высоким, чем обычно, закричал: «Слониха проклятая! Ж... с ручкой!». Слониху — как смыло, смыло и остальных студентов, Герасимов долго ходил по раскопу, что-то бормоча себе под нос, наконец успокоился, студентка была прощена, и мир в экспедиции восстановился. Я потом рассказал Тамаре Сергеевне этот эпизод — она до сих пор не может в него поверить, так как за многолетнюю совместную жизнь не слышала от мужа ни одного нелитературного выражения.

Незадолго до отъезда Михаил Михайлович подвел меня к небольшому углублению в углу раскопа, интригующе спросил, что бы это по-моему могло быть, и, хитро прищурившись, посмотрел на меня. Я терялся в догадках и так и не сказал ничего членораздельного. Оказалось — так выглядело углубление, под которым он много лет назад нашел палеолитическое погребение со скелетом младенца. Я загорелся, но он решил не трогать этого углубления и отложить его разработку на конец полевого сезона. К сожалению, лакомый кусочек оказался горьким на вкус — когда уже в Москве я спросил его о результатах, он, с сожалением посмеиваясь, признался, что в этом углублении не оказалось ничего. Не уверен, что в полевых дневниках и отчете эта его неоправдавшаяся надежда, затаенные грезы каждого археолога и антрополога (в этом случае вдвойне сильные, так как принадлежали одновременно и антропологу, и археологу) нашли отражение, и привожу здесь этот эпизод, как, наверное, единственный свидетель тайной мечты Герасимова, увы, не реализовавшейся.

Михаил Михайлович продолжал раскопки Мальты и в последующие годы, но я уже никогда больше не видел его в полевых условиях. В Москве встречи были если и не повседневными, то еженедельными, и в памяти они слились в одну, рассказывать о них трудно, поэтому же вспоминается больше реакция Герасимова на отдельные события, чем сами события.

...Герасимов делает доклад о своей работе на заседании Президиума АН СССР. Доклад проходит успешно и принимается решение о выделении под лабораторию обширного помещения, в котором можно было бы создать музей. Начинают представляться реализуемыми мечты всей жизни — казалось бы, торжеству и радости не будет границ. А он ходит не торжествующий и радостный, а... просто веселый, как и всегда. Лишь в глазах какая-то просветленность и забота, как если бы он уже оборудовал это помещение и размещал музей. В качестве промежуточного караван-сарая на пути в будущий дворец лаборатория получает новый, более обширный подвал в конце Ленинского проспекта, где она, кстати сказать, остается и по сей день. Герасимов относится к переезду и оборудованию нового помещения совершенно серьезно, как если бы это было в последний раз. Оборудуется рентгеновский кабинет, сам он перебирается в большую комнату, любовно расставляет книги, ставит огромный рабочий (не письменный, а в первую очередь именно рабочий) стол, воюет с хозяйственниками, вникает во все детали отделки нового помещения. И лаборатория опять получается такой же уютной и гостеприимной, как и старая. Именно в этой лаборатории, как и всегда уставленной стеллажами, с которых смотрят на нас лица наших предков, он проработал до последних дней своей жизни, именно здесь создавались знаменитые портреты Рудаки, Ивана Грозного и Шиллера, готовились последние книги.

...Михаилу Михайловичу исполняется 60 лет. Институт организует торжественное заседание, на котором юбиляр выступает с докладом. Приветствиям и адресам от разных организаций, с которыми он был связан своей работой на протяжении жизни, нет конца. Потом банкет в Метрополе — больше сотни приглашенных, всем весело, беспрерывно провозглашаются тосты в его честь, каждый старается подчеркнуть какую-то черту характера юбиляра, которая ему особенно нравится, в каждом тосте — любовь. Археологи, возглавляемые басом-профунда Дмитрием Александровичем Крайновым, исполнили застольную здравицу, протяжно и задушевно пели русские песни. Шквал похвал и приветствий виновник торжества встречал невозмутимо — приветливо, спокойно благодарил, заботливо следил, чтобы официанты подносили коньяк туда, где

предыдущая его порция была выпита, лишь глаза лукаво поблескивали, а иногда растроганно затуманивались. Его обычные простота и уютность как-то особенно бросались в глаза в этот вечер, и казалось совершенно естественным, что не было за столом гостя, с которым он не расцеловался бы при расставании.

Можно было бы вспомнить много других эпизодов, но я не хочу «растворять» в мелочах образ крупного человека. Он запечатлелся в моей памяти как личность необыкновенная, необыкновенная не только талантом и творческим вдохновением, как ни колоритны они были, а сочетанием масштабности мысли и доброты действия, которое навеки врезалось в память. Я считал бы свою жизненную задачу невыполненной, если бы не попытался выразить свое впечатление от его живой и неповторимой личности.

Talks (Part 6)

In 1993 our journal is publishing the manuscript of V. P. Alekseev «Talks». This memoir tells about an outstanding specialist in anthropology and archaeology Mikhail Mikhailovich Gerasimov, who is well-known as a creator of the method of face reconstruction on the base of skull, author's contacts with him and his colleagues, also striking scholars.

The final sixth part of the manuscript is published in the present issue.